

В. Ю. АПРЫЩЕНКО

ВРЕМЯ ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВЕННО-ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ГРАНИЦЫ СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЫ¹

Современная европейская идентичность рассматривается в статье посредством анализа широкого спектра пространственно-темпоральных представлений. Автор использует теорию коллективной памяти для того, чтобы объяснить, как меняются дискурсивные границы в Европе, переживающей процесс интеграции и целый ряд интеллектуальных поворотов. Он приходит к выводу, что пространственно-временная карта Европы стала результатом трансформации исторического сознания, а кризис идентичности обусловлен наложением различных исторических нарративов и «символическим дефицитом» единого европейского пространства. Кризис может быть преодолен посредством выработки общей исторической памяти в ходе интеллектуальной интервенции и политического признания.

Ключевые слова: историческая / коллективная память, идентичность, пространственно-временные границы, историческое сознание, Вторая мировая война, европейская интеграция, исторический нарратив

Все первое десятилетие XXI в. прошло под не утихающие дискуссии о кризисе Европы, который грозит геополитическими потрясениями не только самим жителям Старого Света, но и утратой стабильности всей мировой цивилизации. Сначала т.н. «греческий вопрос» испортил настроение тем, кто предрекал единой Европе светлое будущее, в котором будут стерты границы между нациями и культурами. Общественные и политические деятели, относящие себя к евроскептикам, вновь заговорили о том, что Европа слишком многообразна, населена народами, с разными культурными традициями, и наиболее развитая ее часть не обязана кормить и снабжать кредитами те регионы, которые еще не готовы жить в едином европейском доме. Одновременно с этим, во второй половине 2015 г., дал о себе знать другой кризис – «миграционный», когда под влиянием обострившейся ситуации на Ближнем Востоке в Европу хлынули тысячи нелегальных иммигрантов. И снова часть политического эстеблишмента заговорила о «Европе не для всех», а в противном случае Старому Свету грозит утрата собственной идентичности. Наконец, оба этих кризиса хотя и несколько затушевали, но не устранили полностью еще одну «угрозу» единой Европе. Регионализм, в первую очередь в лице Шотландии и Каталонии, организовавших референдум и голосование по вопросу о независимости, заставили повол-

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Мониторинг межнациональных отношений и религиозной ситуации; анализ проблем этнокультурного и исторического образования; анализ языковой политики в регионах Южного федерального округа». Госзадание № 28.186.2016/РНЦ.

новаться многих политиков. Хотя в двух этих случаях независимость понимается несколько по-разному, и статус голосования в этих регионах был различным, идея заката наций и национализма, настойчиво звучавшая еще несколько десятилетий назад, теперь кажется далеко не столь реалистичной, а проблема соотношения национального и наднационального в ЕС остра как никогда прежде.

Третья волна евроинтеграции, в рамках которой разворачиваются дискуссии о будущем единой Европы, характеризуется особым вниманием к вопросам политики и практик европейской исторической памяти. Тогда как первая волна касалась проблем экономического объединения, вторая – политического единства, третья, связанная с внедрением «европейскости» на уровне знаний, целей и ценностей, оказалась наполнена наибольшим числом противоречий. При этом цель сближения европейских наций в сфере каждодневных практик должна быть распространена и на «Новую Европу» – те государства, которые по целому ряду характеристик отличаются от стран, составивших ядро ЕС. Очевидно, что расширяющиеся масштабы коммуникации между теми народами, которые ныне относят себя к ЕС, ставят перед политическими и интеллектуальными элитами, равно, как и перед обычными гражданами Европы, вопрос преодоления разного рода границ, в первую очередь культурных и языковых, а также проблему формирования общей исторической памяти.

Исследования исторической памяти пережили долгую череду взлетов и падений. Сегодня ряд авторов критически относятся к самому концепту «коллективная память». Делла Сала вообще отказывает европейской коллективной памяти в праве на существование, говоря о том, что память – это индивидуальная категория, и поэтому для описания внутренних связей в рамках коллективной идентичности лучше использовать термин «миф»². Р. Козеллек, также отстаивая идею индивидуального характера памяти, квалифицировал термин «коллективная память» как запутывающую метафору, которую следует заменить более адекватными категориями, такими как «традиция» или «историческое сознание»³. Более того, некоторыми исследователями «коллективная память» характеризуется как примордиальная категория, аналогичная концепту «национальная душа» или «национальный дух»⁴. Из этого вытекает вывод о том, что люди могут помнить, а нации и общества – нет.

В то же время сторонники категории «коллективная память», начиная с М. Хальбвакса, никогда не рассматривали ее как метафору для описания разных сообществ, будь то нация или раса. Используя концепт *memoire collective*, Хальбвакс обращал внимание на феноменологический характер того, что происходит, когда мы вспоминаем что-то: наши вос-

² Sala 2010. P. 4.

³ Koselleck 2000. P. 19, 20.

⁴ Klein 2000. P. 135.

поминовения осуществляются в определенном социокультурном контексте, а значит вспоминая, мы делаем это в соответствии с определенными культурными матрицами, отражающими нашу принадлежность к той или иной социальной группе. Если индивидуальные воспоминания попадают в коллективную память, они меняются и переносятся из сферы персонального в область коллективного сознания⁵. Критикуя бергсоновский индивидуализм, М. Хальбвакс акцентирует внимание на социальных рамках памяти, которая не сводится просто к сумме индивидуальных памятей и лишь в определенной степени зависима от них.

Пространственно-временные представления европейского общества сегодня формируются в условиях «мемориального бума», который являет себя во всем – от политических практик до меню ресторанов. Рубеж XX и XXI вв. стал временем историзации европейского общества, и это «возвращение к истории» воспринимается как «возвращение Европы». В то время как процесс экономической и политической интеграции начался в Европе в послевоенный период, волна культурной интеграции берет начало только с 1990-х гг., что, вероятно, было связано с окончанием Холодной войны и «размораживанием» ряда сложных вопросов. Воссоединение западно- и восточноевропейских стран, полагаемое как пространственная ре-унификация Европы, поставило и проблему темпорального объединения, что связано не только с разным уровнем развития стран европейского континента, но и с разным прочтением своего прошлого. Если с точки зрения уровня материального развития страны «Старой Европы» могли ожидать (а в действительности, требовать) от восточноевропейских государств определенного движения вперед, то в сфере коллективной памяти это был диалог равных – обеим сторонам было в чем упрекнуть друг друга.

В результате последнее десятилетие XX в. и начало нынешнего столетия стали временем формирования новых пространственно-темпоральных границ Европы. Сам континент как целостность стал пониматься по-новому, даже несмотря на то, что его ядро по-прежнему составляли государства, где идеи европейской идентичности имеют глубокие исторические корни. Если Копенгагенская декларация декабря 1973 г. о провозглашении европейской идентичности в целях защиты мировой позиции Европы заложила основу этого процесса, то окончание Холодной войны сделало его необратимым⁶.

Пространственно-темпоральные границы выполняют многие функции, присущие границам как феномену. Они обуславливают современную европейскую идентичность, но одновременно и зависят от нее. Это взаимовлияние в значительной степени связано с тем «символическим дефицитом», на который обращают внимание многие исследователи. Не

⁵ Хальбвакс 2005. С. 8.

⁶ The Meaning of Europe. 2002.

поспевая за скорыми и порой драматическими политическими трансформациями, европейские идентичности способствуют обострению конфликтов и противоречий, особенно в тех случаях, когда сложившиеся повседневные практики, объяснению которых любая идентичность и служит, не соответствуют структурным политическим изменениям. Символы же и мифы, являющиеся материалом для формирования идентичности, одновременно очерчивают пространственно-темпоральные границы. Символы, идентичности, и пространственно-темпоральные представления, в свою очередь, черпают свое содержание в исторической памяти.

Формирование пространственно-темпоральных границ в современной Европе позволяет говорить о двух способах взаимоотношений между политической идентичностью и исторической памятью. В первом случае речь идет о политической идентичности без исторической памяти, что подразумевает существование чувства принадлежности к единому политическому сообществу, но без разделяемой идеи общего прошлого. Динамичное расширение границ современной Европы требует новых политических институтов и практик, а также формирует эффект причастности к ним граждан Европы, создавая новый институт «европейского гражданства», закрепленный в Восьмой статье Маастрихтского договора. Это чувство принадлежности основано не только на общности интересов, но также и на осознании возрастающей роли новых политических ценностей. По словам Фурио Серутти, политическая идентичность основывается на наборе политических принципов, позволяющих отделить «нас» от «них»⁷. Второй путь формирования пространственно-временных представлений связан с их укорененностью в исторической памяти, когда, как замечает Клаус Эдер, «как минимум два человека разделяют общую память»⁸. Характер этой сопричастности к прошлому может варьироваться и включать как тех, кто был сам участником исторических событий, так и тех, кто разделяет общее ощущение прошлого. Это в свою очередь позволяет очертить дискурсивные границы, включая или исключая из них «своих» и «чужих». Политическая идентичность в этом случае воплощается в нарративах прошлого.

Эти два пути формирования пространственно-темпоральных границ могут быть разделены очень условно, как «идельные типы». Любая идентичность, включая политическую, существует, лишь основываясь на определенных нарративах, и в этом смысле любая идентичность – это разделяемый нарратив, основанный на «опознавании» общности. Даже общие политические ценности, о которых пишет Ф. Серутти требуют такого текста, в котором посредством серии «опознаваний» происходит определение «себя». Этот «речевой акт опознавания», представляющий собой процесс, а не результат, может быть выражен как в вербальной

⁷ Cerutti 2003. P. 28.

⁸ Eder 2005. P. 205.

или письменной речи, так и в дискурсивной форме, и включает в себя набор нарративов, в том числе символов, мифов, и исторических представлений, в которых определяются пространственно-темпоральные границы. В условиях быстрых геополитических трансформаций, с которыми столкнулась расширяющая свои границы Европа, ценность таких «речевых актов опознавания» признается как политической и интеллектуальной элитой, так и обычными гражданами, стремящимися легитимировать посредством прошлого новые политические практики.

Выполняя коммуникативную функцию, «речевой акт опознавания» играет еще и другую существенную роль. Очерчивая круг «своих» и «чужих», наделяя культурно-историческим смыслом пространство и время, а значит, определяя синхронные и диахронные границы, он тем самым «охраняет» внутреннее пространство сообщества. Используя образы прошлого, помещая его в современность, а значит актуализируя былое, «речевой акт опознавания» превращает историческую в посредника, через которого история каждый раз вызывает к современности. По словам Росса Пулла, «голоса памяти – это наши голоса, а требования памяти адресованы нам»⁹. Полагая память в качестве приглашения к действию, общество соглашается с ее мобилизационной функцией, которая особа важна в кризисные ситуации общественного развития.

В сфере трансформации коллективной памяти европеизация шла рука об руку с национализацией истории, что в некоторых регионах стало частью военных этнотерриториальных конфликтов, способствуя распаду многонациональных Югославии и Советского Союза. В странах Восточной Европы делящаяся национализация истории в значительной степени может быть объяснена реакцией на господство советской трактовки истории и отрицания национального прошлого этих стран. Более же масштабный европейский контекст национализации истории включает необходимость ответа на вопросы «кто такие *мы*» и «кто такие *они*», ставшие актуальными после того, как в условиях разрушения биполярного мира и становления мультикультурализма, регионализма и европеизации, проблема идентичности стала ассоциироваться с безопасностью.

Очевидно, что наиболее острые для современных европейцев вопросы, связанные с интеграцией, регионализмом и притоком мигрантов, могут быть структурированы вокруг пространственно-временной матрицы, в границах которой полагается Европа. Именно поэтому в дискуссиях о проблемах современной Европы и ее будущем, вопрос об истоках европейской идентичности является определяющим. Отношения между прошлым, настоящим и будущим полагаются основополагающими для европейской идентичности: чем Европа была, когда она «началась», и где она закончится – вот проблемы, в которых понимание темпоральных границ, обуславливает дискуссии о пространственном и политическом содержа-

⁹ Poole 2010. P. 32.

нии понятия «Европа». В условиях драматических изменений на европейском континенте целый ряд политиков и интеллектуалов поставили проблему «европеизации» коллективной памяти, порой заявляя о потребности в «наднациональной европейской памяти»¹⁰.

Идеи времени и пространства тесно переплелись в истории Европы, идентичность которой (в конструктивистском понимании) может быть описана как в синхронных, так и в диахронных категориях. Хотя связь между ними безусловна, представляется, что именно прошлое определяет современное понимание того, что есть Европа и каковы ее отличительные черты. Как и в любой сконструированной идентичности, многократно переработанная память, своего рода палимпсест, вместе с образами прошлого, дополненными современными мотивами, составляют ту пространственно-временную матрицу, которая вмещает всю совокупность представлений о современной Европе. Для европейской идентичности пространственно-темпоральная матрица идентичности в определенном смысле более важна, чем для национального самосознания, в первую очередь потому, что мифологические истоки континента отыскать, как правило, сложнее, чем национальные корни. Именно поэтому сегодня многие считают, что «европейская идентичность» является одной из наиболее иллюзорных, полагая, что Европа существует лишь в терминах географических, экономических и политических, но никак не в культурных категориях. Ссылаясь на Маастрихтский договор, евроскептики, как правило, забывают, что само это соглашение было бы невозможным, не обладай европейский континент набором культурных символов, превращающих его в нечто большее, чем просто географическое пространство. Да и само апеллирование к прошлому, как к основе современности, наделяет Европу смыслами единства.

Европейская историческая память, как и любой другой элемент коллективного сознания, инерционна. Ускорение процессов трансформации исторической памяти может свидетельствовать о внешнем вмешательстве, чреватом болезненными изменениями и даже коллективной травмой. Очевидно, что последнее десятилетие XX и начало нынешнего века стали именно таким периодом драматической эволюции европейского сознания в целом, и исторической памяти, в частности. Обусловленная целым рядом процессов, протекающих на европейском континенте, современная коллективная память является частью культурного и, одновременно, политического контекста. В первом случае, она не только задействует механизмы культурного воспроизводства, обуславливая существование целой индустрии памяти, но является основой культурных идентичностей. С другой стороны, историческая память – это и часть политического мира, поскольку она предполагает некий коллективный консенсус и легитимирует существующие отношения. При этом она осо-

¹⁰ Muller 2000.

знанно производится и воспроизводится как творцами, так и потребителями, которые множат ее в своих повседневных практиках.

Естественно, что идея европейского единства не нова, и попытки создать единую Европу предпринимались издавна. Основы европейского единого прошлого хотя и мифологичны, но вместе с тем целостны и метафоричны, что дает возможность каждый раз по-новому переосмысливать пространственно-временное содержание понятия Европа. Кроме того, повествуя о насильственном похищении, миф о сотворении Европы говорит не только о том, что такое сама европейская культура, но и дает представление о ее отношении с пространством, находящимся по соседству. Будучи похищенной Зевсом, превратившимся в белого быка, Европа, дочь царя Агенора, очаровала своего похитителя, и в ее честь был назван целый континент. Как и любой другой, это миф имеет разные трактовки. Геродот, а вслед за ним раннехристианский теолог Лактаций, попытались разоблачить эти идеи, демистифицировав эротическое содержание мифа и изъяв его из античных представлений. В их версии Европу похитил критский торговец и увез ее, предназначавшуюся для царя Астерия, на корабле, имеющем очертания быка. С тех пор жители Крита считают себя старейшими европейцами, а азиаты, чья дочь был насильственно увезена, рассматривают это похищение как тягчайшее преступление. Позже троянцы, стремясь отомстить, похитили Елену, дочь Менелая, в ответ на что Агамемнон, брат оскорбленного, начал самую известную в европейской истории войну. Укорененный в мифопоэтике, развитый в «Истории» Геродота, этот миф служит объяснением давнего непонимания между европейцами и азиатами.

Однако роль Азии в истории Европы всегда рассматривалась неоднозначно. С одной стороны, это давний соперник и в некотором смысле культурный антипод. Но с другой, бежавшие из-под стен Трои войны основали Рим – этот символ Западной цивилизации, а христианство, определившее как внутреннее содержание европейской культуры, так и ее отношения с соседями, зародилось как восточная религия. «Иисус Христос, источник истины и жизни, ...возблагодарил Азию, где был рожден, и Африку, за которую сражался, ...которые стали почти полностью европейскими», так в 1625 г. писал Самуил Пурчас, английский пропагандист заселения Америки, считавший, что лишь Европе принадлежит право осваивать новые континенты¹¹. «Почти полностью» в этой цитате означает, что даже Пурчас с его фанатичной преданностью идее европейского господства не мог отрицать роли других игроков в Азии.

Таким образом, похищенная азиатка дала имя Европе, скитальцы, бежавшие из-под стен Трои и основавшие Вечный город, дали ей политическую и культурную идентичность, а пророк – тоже выходец с Востока – ее религию. По Гегелю, хотя Европа и была «центром и концом» Ис-

¹¹ Purchas 1625. V. I. P. 45.

тории, началась История именно в Азии: «по своей характеристике Восток (*Orient*) – четверть мира, которая стала регионом происхождения»¹². Развитие цивилизации, движения империй, как и самого солнца, согласно мыслителям Нового времени, неизбежно шло с Востока на Запад.

Соседствуя с Азией, оспаривавшей время от времени идею Европы как центра мировой цивилизации, европейцы вынуждены были концептуализировать значение своего континента в иных категориях. Для греков и наследовавших им римлян отношения между ними и остальным миром основывались на теории климата и географического окружения. Северная часть мира, согласно этим концепциям, была заселена народами, чье негостеприимное климатическое окружение воспитало в них такие качества как храбрость и воинственность, но наряду с этим – невежество, а используя латинизированный термин, ставший центральным для европейской идентичности – нецивизованность». Те же, кто проживал на Юге, в Азии, были наоборот смышлены и умны, но медлительны, почти летаргичны, и категорически склонны к злоупотреблениям – свойства, ставшие для европейцев нарицательными при определении характера Востока. Европейцы же, тогда – жители Средиземноморья, находились между этими крайностями. Такое представление о Европе как о срединном пространстве между Севером и Югом, конечно же модифицированное в течение столетий, оказывало влияние на европейскую идентичность вплоть до XIX в. (чем как не отголоском таких представлений является предпринятое ООН в XX в. разделение на страны «развитые» и «развивающиеся»?). И Гегель в 1830-е гг., писавший о Средиземноморье как о «трех четвертых мира» и «Центре мировой истории», и Ф. Бродель, в 1960-е гг. характеризовавший регион Средиземного моря как «радианный центр» мира, откуда «исходит свет», – все это идеи, уходящие корнями в европейскую идентичность периода Древности.

По мысли Страбона, предпринявшего первую попытку объяснить превосходство Европы над другими регионами, баланс между природным и человеческим определил особое положение континента. Именно из-за этой гармонии, как считали многие мыслители, Европа стала родиной свободы и справедливого управления. Вслед за Геродотом, утверждавшим, что свобода греков коренится в том, что они подчиняются не людям, а законам, Вольтер, столетия спустя, сформулировал идею о том, что Европа – это «большая республика, разделенная на несколько государств», и все они имеют «общие правила закона и политики, неизвестные в других частях Света»¹³. А за несколько лет до этого Монтескье заметил, что большая Европы управляется «законом» (он, правда, не был уверен в отношении Испании), а Азия, Африка и Америка – деспотами¹⁴.

¹² Гегель 1993.

¹³ Цит. по: Нау 1968. Р. 123.

¹⁴ Монтескье 1999.

Говоря о верховенстве права и гражданственности, европейцы, как правило, относят формирование этих принципов к Новому времени. Сам термин *Modernity* должен был противопоставить нововременную Европу Средневековью. Вместе с тем он утверждал идею общности европейского прошлого. Именно с Нового времени, вероятно, можно говорить об общей пространственно-временной идентичности европейцев, которые имели не только общее прошлое, но и историю антагонизмов, которые им предстояло преодолеть.

Среди давних и наиболее известных попыток реализовать идеи европейского единства на практике следует, вероятно, вспомнить Карла Великого и Священную Римскую Империю. Однако издавна устремления в направлении европейского единства издавна наталкивались на разного рода преграды, в которых воплощались отдельные европейские идентичности – региональные, религиозные и культурные, политические и социальные. В этом смысле, идея национальной идентичности, противостоящая сегодня идее единой Европы, столь же не нова, и ее истоки вероятно можно искать в позднем Средневековье, в войнах шотландцев, англичан и французов XIV в., в истории (истории как тексте, конечно же, противостоящей истории-событию!) Жанны д'Арк, в объединении Испании под властью католических монархов, и других многочисленных примерах, когда идея нации имплицитно присутствовала в качестве идеи. Думается, что этот период был для европейских национальных идентичностей даже более важен, чем последующие столетия, когда национализм явил себя в качестве полноправной светской идеологии.

Параллельно с идеей европейских национальных идентичностей в позднее Средневековье и в Новое время оформлялось и представление о неравномерности развития европейских регионов. В этом смысле разделение на европейский Запад и Восток вмещало в себя не столько географическое, сколько темпоральное содержание, которое вытесняло более архаичную бинарную оппозицию «Север – Юг», где Север ассоциировался с дикостью и варварством, тогда как Юг – с цивилизацией и культурой. В новом пространственно-темпоральном разделении Восточная Европа стала рассматриваться как своего рода индустриальные задворки, в которых социальные отношения и институциональная структура были далеки от идеалов капиталистического Запада, а культура – мало затронута влиянием Западного Просвещения. Именно тогда отношениям между Западом и Востоком Европы был придан новый темпоральный вектор, в котором время стало рассматриваться не просто в качестве движения из прошлого в будущее, но как эволюция от менее сложных к более сложным формам, в чем бесспорно очевидно влияние просветительских идей с их культом прогресса.

Хотя сегодня такой подход в значительной мере (но не полностью!) изжил себя, привычка определения Европы и европейцев посредством пространственно-временной матрицы дает о себе знать, особенно в пе-

риоды геополитических потрясений. В частности, когда в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Европа сотрясается переменами, связанными с распадом социалистического лагеря, не раз высказывалось мнение об «отставании» и «недостаточной европейскости» стран Восточной и Центральной Европы, и о тех уроках, которые им еще предстоит усвоить в сфере социального, политического и экономического поведения. С новой силой эти нарративы вновь проявились в первой половине 2000-х гг. со вступлением в ЕС группы восточноевропейских государств¹⁵. Наконец, после 11 сентября 2001 г. вновь зазвучали голоса, вроде призыва Дональда Рамсфелда, провести разделительную линию между «Старой» и «Новой» Европой, что отражало не только геополитические идеи, но пространственно-временные представления.

Вопрос о том, как менялось представление европейцев о прошлом, настоящем и будущем в условиях геополитических изменений, и, особенно, в эпоху, когда Европа заявляет о себе как о «глобальном игроке», обладающем особым взглядом на устройство мира, интересует не только интеллектуальные, но и политические элиты. Очевидно, что в основе этих представлений лежат идеи устройства прошлого, и видение будущего, и в этой связи идея темпоральности играет в современных геополитических представлениях жителей Старого Света решающую роль.

После окончания Холодной войны целый ряд ведущих европейских мыслителей, рассуждавших в категориях «геофилософии» пытались определить содержание понятия *Европа*. Сама память о прошедших годах конфронтации не только актуальна в свете современных событий, но также оказала существенное влияние на формирование нового мирового порядка в постбиполярную эпоху¹⁶. Идея Европы как '*civitas futura*' принадлежит, в частности, итальянскому философу и теоретику политики Массимо Каччари¹⁷. Р. Козеллек также описывал Европу в категориях будущего времени. По его мнению, *Европа* – это концепт, который может быть определен в терминах былого «опыта» и «ожиданий» будущего, и эти две категории лежат в основе европейской идентичности¹⁸. Французский социолог и философ Эдгар Морен высказал в своих «Размышлениях о Европе» схожие идеи, в частности, что Старый Свет определяет себя не посредством оппозиции к внешним врагам, «а, скорее, как постоянную борьбу с собой», в особенности со своим прошлым и «грядущим будущим»¹⁹. Цитируя чешского философа Яна Паточка, Морен пишет о том, что чувство Европы лежит в осознании того факта, что «проблемы истории не могут быть решены. Они должны остаться навсегда»²⁰. Наконец,

¹⁵ Kuus 2006.

¹⁶ Узародов 2015.

¹⁷ Sacciarì 1994.

¹⁸ Koselleck 1979. P. 355.

¹⁹ Morin 1990. P. 56.

²⁰ Bialasiewicz 2009. P. 3.

само название книги Зигмунда Баумана «Европа. Неоконченное приключение», где в центр анализа положено стремление европейцев преодолеть «Европу, существующую в реальности», свидетельствует о понимании континента как находящегося в будущем, в то время как вся современность является подготовкой к этому грядущему²¹.

Такое понимание идеи Европы является идеализированным представлением о будущем, своего рода современным вариантом «Золотого века», к которому стремится история. Именно поэтому межвоенный период в истории Европы многими признан временем нереализованных возможностей – постоянная борьба между «реальностью» и «идеальностью», как об этом выразился Поль Валери²². Представление о Европе как о лаборатории мира вновь оживает теперь не в плане философской рефлексии, но также как институционализированная попытка политического и геополитического самоопределения. В последние десятилетия Европа описывается в категориях гражданской, нормативной и транснормативной власти, что, хотя и представляет собой геополитический идеал, помимо этого имеет и реальные геополитические эффекты.

Сложные отношения Европы со своим прошлым проявились в критические моменты ее истории. Так было в послевоенный период, так случилось и после окончания иракской войны. По мнению таких мыслителей, как Этьен Балибар, Жак Деррида, Юрген Хабермас, вторжение в Ирак было важным событием для европейцев по крайней мере по двум причинам. Во-первых, стал очевиден массовый антивоенный протест повсюду в Европе, что явилось первой попыткой кристаллизации европейского общественного мнения. Хабермас назвал это рождением «европейской публичной сферы»²³. Реакция европейцев на вторжение войск в Ирак продемонстрировала сильные антиамериканские настроения и критическую оценку роли США на Ближнем Востоке. Все это одновременно явилось первой попыткой альтернативного взгляда и геополитического позиционирования Европы. Если ранее, со времени окончания Второй мировой войны, роль США в освобождении Европы была важнейшей частью представлений европейцев о своем прошлом, то Иракская война стала водоразделом в отношениях двух континентов – отныне европейцы должны были прийти на помощь американским союзникам²⁴.

Иракская война также означала и определенный разрыв внутри европейской целостности. Наиболее существенный раздел прошел между значительной частью общественного мнения в 15-ти странах ЕС, с одной стороны, и представлениями стран «Новой Европы» (восточной и центральной частей континента), население которой выказало гораздо более

²¹ Bauman P. 7–8.

²² Valery 1957.

²³ Bialasiewicz, Elden, Pinter 2005. P. 3.

²⁴ Old Europe, New Europe, Core Europe... 2005.

существенную поддержку американской политике, что некоторыми комментаторами было названо «смесью прагматизма и оппортунизма»²⁵. Три Восточно- и Центрально-европейские государства – Чехия, Венгрия и Польша, были среди подписантов знаменитого Письма Восьми «Объединенные мы стоим» в поддержку американских усилий в Ираке. Именно тогда американский министр обороны Д. Рамсфелд сказал о разделе, прошедшем по Европе, где с одной стороны оказались государства Восточной и Центральной Европы вместе с Британией, Данией, Португалией и Испанией, разделяющими американское желание ответить вызовам войны, а с другой – «Старая Европа», возглавляемая Германией и Францией, продемонстрировавшие слабость и упрощенный взгляд на ситуацию. Но все это вместе воспринималось как распад европейской семьи, спровоцированный разным отношением к войне, объявленной террору. Это разделение сохранилось и в последующие годы, означая не только разные геополитические представления и поведение части новых членов ЕС, но также отражая представление о том, что такое Европа. Идеальный взгляд на Европу как на «особое место человеческой надежды», пространство прав и ценностей, предназначенных для всех, отныне по-разному трактовался в теперь уже в двадцати пяти членах ЕС.

В целом геополитические потрясения лишь упростили появление уже существующих различий внутри Европы. Вместе с тем, «геополитическое вертиго», начало которому было положено американской «войной террору», заставило всех жителей Старого Света озаботиться вопросом о европейской геополитической идентичности: после 2001 г. дискуссии были сфокусированы на вопросе о том, как могут быть объяснены геополитические различия, и что в конечном счете объединяет народы, населяющие Европу. Эти потрясения не исключали и того факта, что между США и отдельными странами Европы складывались «особые» отношения, вроде тех, что традиционно существовали между ними и Великобританией²⁶. Этот фактор тоже оказывает влияние на формирование пространственно-темпоральных границ Европы, в которых переплетены региональный, национальный и наднациональный уровни.

Вопрос о культурном содержании «европейскости» сегодня занимает не только евробюрократов, но также ученых, преподавателей, журналистов – словом, всех тех, кого в той или иной степени относят к творцам коллективных идентичностей. Содержание европейского тайника ценностей сегодня временно оказалось открытым благодаря многочисленным дебатам, которые Эрнст Ренан метафорически назвал «ежедневным плебисцитом». В этом смысле официальное определение европейских границ гораздо менее значимо, чем то, что представляют на суд зрителей интеллектуалы, задающие аналитические рамки и предлагаю-

²⁵ Michnik 2003. P. 17.

²⁶ Айриян 2014.

щие инструменты для изучения культуры, идентичности и исторической памяти современной Европы.

Как внутреннее, так и внешнее пространство современной Европы определяется сегодня на трех уровнях – институциональном, публичном, и образовательном. Первый, институциональный уровень связан с формальными политическими организациями и властью, что подразумевает формирование особых мнемонических практик официальных институтов. В этом смысле «сосредоточением памяти» являются правовые тексты, политические декларации, общественные ритуалы и институциональные пространства, обладающие особой исторической значимостью – то, что Пьер Нора назвал *lieux de memoire* («места памяти»). Чаще всего в мнемонических текстах и практиках этого уровня коллективных воспоминаний присутствуют отсылки ко Второй мировой войне, породившей европейскую интеграцию. В тексте Преамбулы Договора о создании Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), подписанного 18 апреля 1951 г. в Париже, говорится о том, что шесть стран «исполненные решимости заменить *многовековое соперничество* (курсив мой. – В.А.) слиянием своих коренных интересов; создать посредством учреждения экономического сообщества основу для более широкого и глубокого объединения народов, долгое время разделявшихся *кровавыми конфликтами*; заложить основу для институтов, которые укажут направление к ставшей отныне общей для них судьбе; решили создать Европейское объединение угля и стали...»²⁷. Память о прошлом, в реальности ставшая травмой прошлого, должна способствовать новому качеству отношений между европейскими нациями.

Помимо того, что юридические тексты иногда напрямую касаются вопроса о пространственных границах, они являются важным носителем институциональной памяти, воплощенной в кодифицированной и нормативной форме. Именно поэтому такие нарративы обладают стабилизационным мемориальным эффектом. Кроме того, они представляют собой нормативный источник, напрямую связывающий определенное видение прошлого с конструируемым настоящим и будущим. И хотя в Парижском договоре содержится лишь ядро будущего Европейского сообщества, идея преодоления конфликтов прошлого уже в нем явила себя в полной мере. Анализ всех договоров, подписанных в период до создания европейской конституции, свидетельствует, что один и тот же мотив – Европа без войн – полагается объединяющим принципом всего сообщества европейцев.

Ритуалы также являются важной составляющей частью институциональных практик памяти. Скрытая ссылка на Вторую мировую войну как основополагающее событие в создании европейской конструкции, присутствует уже в знаменитой Декларации Шумана 5 мая 1950 г.

²⁷ Договор об учреждении Европейского объединения угля и стали...

Документ, с которым обычно связывают рождение европейского проекта, прямо указывал на то, что война должна стать «не только невообразимым, но и физически невозможным событием». Интересно, что в отличие от договора о создании ЕОУС, отмененного официально 23 июля 2002 г., текст Декларации Шумана ежегодно вспоминается 9 мая во время празднования Дня Европы. Посредством ритуалов, таких как празднование Дня Европы, память об определенных событиях регулярно воскрешается в сознании людей, поддерживая чувство идентичности и создавая ощущение вневременного значения и стабильности.

Такие празднования и ритуалы формируют пространство взаимодействия между национальными и европейскими институтами посредством участия в событиях и через выступления национальных лидеров государств-членов ЕС. Важность институциональной памяти, являющей себя в этих церемониях, обусловлена их постоянством и стабилизирующим эффектом. Однако ее другая особенность заключается в том, что в ней представлен верхний элитарный уровень принятия решений по конструированию европейской идентичности, а значит необходимы инструменты для тиражирования этих представлений в широкие слои населения.

Институциональный уровень формирования коллективной памяти дополняется уровнем публичным, в рамках которого память, инициированная политическими институтами, становится достоянием общественности. Места общественной памяти включают музеи, СМИ, фильмы и телепередачи, в которых преодоление последствий Второй мировой войны представлено как фактор современной европейской интеграции. Число таких отсылок значительно увеличилось в период разработки Европейской конституции и референдумов по ее принятию. Европейцы, выражая свое мнение о процессе в целом, отыскивали в прошлом основу для легитимации настоящего и будущего.

В разных странах этот процесс был выражен в разной степени: если итальянцы были более сдержанны в своем желании воскрешать память о Второй мировой войне, немецкие газеты, наоборот, уделяли огромное внимание таким параллелям в связи с осознанием необходимости дискуссии о прошлом и излечения травмы посредством диалога и признания вины. Даже такие евроскептики как британцы рассматривают память о войне как основополагающий нарратив европейской интеграции. В статье, опубликованной 19 июля 2002 г. и посвященной прекращению действия договора о ЕОУС 23 июля 2002 г., говорится о том, что «союз был основан в тот же самый день 1952 года, когда пепел Второй мировой войны все еще не остыл». Автор статьи Иен Блэк, один из ведущих колумнистов газеты, специализирующийся в сфере международной политики, писал тогда, что «угольный мотор европейской интеграции замолкает. Европейское объединение угля и стали – нагляд-

ный пример предотвращения войны и создания Европейского сообщества, наконец, выдохся. Но он оставляет нам потрясающую основу»²⁸.

Институциональный и публичный уровни европейской памяти во многом пересекаются (их разделение служит скорее аналитическим целям). Блестящий пример – большая статья Герхарда Шредера, в то время германского канцлера, «Размышления о 8 мая 1945 г.»²⁹. 8 мая – это день освобождения Западной Европы от ужасов нацизма и, одновременно, день окончания Второй мировой войны. В статье два этих события объединяются символом реющего над Рейхстагом Красного флага. Согласно мнению автора, поскольку все европейцы осознают важность той войны для прошлого Континента и извлекают уроки из нее, немецкие политические элиты должны поддержать проект Европейской конституции. Фраза, содержащаяся в Преамбуле проекта Конституции – «объединены в своем различии» – стала одной из основ европейской идентичности, которой должны быть соединены народы, бывшие некогда врагами. В результате именно немцы стали одной из тех европейских наций, которые оказались наиболее восприимчивы к идее единой Европы.

Если анализ общественных практик формирования образа прошлого дает довольно противоречивую картину инструментов, направленных на создание исторической памяти, то образовательный уровень процесса еще более сложен. Представляя собой целенаправленную деятельность по конструированию коллективной памяти, этот уровень включает в себя образовательные практики, реализуемые в школах, университетах и в целом в культурных учреждениях, а основным источником для изучения механизмов этого рода являются школьные учебники и другие образовательные материалы. Эта «нижняя линия» того, как общество представляет себя, является одной из самых ценных в очерчивании пространственно-темпоральных границ Европы.

Сравнение учебников по истории трех стран, стоящих у истоков европейского сообщества, Италии, Германии и Франции, демонстрирует, что Франция находится между Италией, слабо рефлексирющей по поводу уроков Второй мировой войны, и Германией, уделяющей этому вопросу огромное внимание. В большинстве итальянских школьных учебников единая Европа характеризуется как экономический и геополитический проект. Лишь только в изданиях второй половины первого десятилетия XXI в. признается определяющая роль Второй мировой войны для европейской интеграции. Вероятно, это, с одной стороны отражает мемориальный бум, свойственный для историографии тех лет, а с другой, может быть объяснено и политическими процессами. Прямо противоположную картину рисуют немецкие учебники истории – лишь

²⁸ The Guardian. July 19. 2002.

²⁹ <http://www.sueddeutsche.de/politik/gedenken-an-den-mail-wir-stehen-erst-jetzt-am-ende-einer-1.802248>

в некоторых из них признается нейтральная роль опыта Второй мировой войны. При этом использование терминов «*Erinnerungsarbeit*» (досл. «работа памяти») и «*Erinnerungskultur*» (досл. «культура памяти») свидетельствуют о том, какое значение придается формированию исторической памяти в Германии.

В результате политики памяти, осуществляемой на трех уровнях, формируется то, что принято называть историческим сознанием в широком смысле этого понятия. Каков процесс, условия, факторы и механизмы формирования этой когнитивной основы всей общественной жизни? Именно благодаря историческому сознанию происходит пространственно-темпоральная ориентация любого социума, что является критически важным в переломные периоды его существования. Любой социальный организм, признавая наличие определенного (иногда – не совсем) прошлого, тем не менее ориентирован в будущее, что приводит к переключению памяти и опыта в ожидания, которые могут быть выражены как в страхах, так и в стремлении к достижению поставленных целей. Дебаты вокруг идеи Европы свидетельствуют, что память о прошлом – эффективный мобилизационный инструмент, который может объяснить современные процессы и одновременно обозначить будущие перспективы, поместив их в существующие дискурсивные практики.

Пытаясь объяснить драматические изменения, европейское общество расширяет временные горизонты, отыскивая объяснения в недавнем или далеком прошлом. В этом смысле предложенный М. Хальбваксом инструментарий для анализа коллективной памяти может быть использован как для памяти национальных сообществ (которой он уделяет на удивление мало внимания), так и для памяти единой Европы, поиском которой так сегодня озабочены европейские интеллектуалы. Коллективный характер этой памяти сегодня придает не только то, что ее разделяют миллионы европейцев, но и то, что она является предметом менеджмента со стороны тех, кто пытается объяснить противоречия развития Европы и сталкивается на этом пути с многочисленными сложностями.

Принадлежа пространству *longue durée*, историческое сознание обладает особой, только ему присущей инерционностью, в стремлении разрушить которую легко спровоцировать травму. Именно драматические 1990-е годы, вслед за которыми последовали годы борьбы с европейским терроризмом, обострившие проблему «своих» и «чужих», стали основой такой травмы исторического сознания. Условием излечения этой травмы, очевидно, должны стать не просто качественные исторические сочинения, но целая индустрия, направленная на трансформацию идентичности.

Несмотря на то, что коллективная память может быть охарактеризована как «разделенная» и «разделяющая», конструирование единого прошлого помогало не просто очертить и обезопасить границы Европы, но и дистанцироваться от национальных нарративов прошлого. Хотя

среди европейских стран на рубеже столетий существовало некое «соревнование жертвенностей», когда нации старались доказать, какая из них пострадала больше от фашизма и сталинизма, осознание того факта, что Европа в целом понесла огромные потери, способствовало формированию транснациональной европейской памяти. Этот же процесс и создавал условия для того чтобы гарантировать свое место в рамках единой Европы: быть жертвой тоталитарных режимов XX века означало обеспечить себе место в единой семье европейских народов в XXI столетии.

Пространственно-темпоральная карта Европы обусловлена трансформацией исторических представлений, воплощенных в коллективной памяти и сознании. Историческая память выполняет одну из своих важнейших функций – коммуникативную, обусловленную необходимостью коммуникации как в диахронном, так и в синхронном измерении. Признание того, что у определенных групп европейского общества (национальных, политических и др.) есть свои интересы, вовсе не препятствует этой коммуникации. Использование истории и прошлого позволяет не только рефлексировать по поводу драматических изменений современности, но и осознать роль европейского сообщества в мировой системе координат – вызов, с которым столкнулась современная Европа, как в связи с расширением ЕС, притоком инокультурных иммигрантов и участием в конфликтах за пределами континента. Кроме того, использование истории становится частью объяснительных моделей не только пространственного, но и темпорального дискурсов, включая проблемы идентичности, представления о правильном и запрещенном, об идеологических и политических основах существующих властных отношений, а также дает оценку научным концепциям. Такое многообразное использование прошлого – в политической сфере, моральной, в области идентичности – позволяет объяснить кризисные и переломные периоды европейского развития, но эти сферы вовсе не противоречат друг другу, скорее представляя современное европейское сознание в качестве целостности, легитимирующей само существование единой Европы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Айриян Р.С. Конгресс США и англо-американские «особые» отношения // Британские исследования. Ростов-на-Дону. 2014. Вып. IV.
- Гегель. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993.
- Договор об учреждении Европейского объединения угля и стали. Подписан в Париже 18 апреля 1951 г. // <http://ppt.ru/newstext.phtml?id=2687525>
- Монтескье Ш.Л. О духе законов. М., 1999.
- Узнародов И.М. Память о «Холодной войне» как один из факторов политики Европейского союза в отношении России // Научная мысль Кавказа. 2015. № 1.
- Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3.
- Bauman Z. Europe, An Unfinished Adventure. Cambridge. 2004.
- Bialasiewicz L. Europe as/at the Border: Trieste and the Meaning of Europe // Social and Cultural Geography. 2009. № 10.

- Bialasiewicz L., Elden S., and Pinter J. The Constitution of EU Territory // *Comparative European Politics*. 2005. № 3.
- Cacciari M. *Geofilosofia dell'Europa*. Milan, 1994.
- Cerutti F. A political identity of Europeans // *Thesis Eleven*. 2003. № 72.
- Eder K. Remembering National Memories Together // *Collective memory and European identity*. Ed. by K. Eder and W. Spohn. Hants, 2005.
- Hay D. *Europe: The Emergence of an Idea*. Edinb., 1968.
- Klein K.L. On the emergence of Memory in historical discourse // *Representations*. 2000. Vol. 60.
- Koselleck R. *Gebrochene Erinnerungen? Deutsche und polnische Vergangenheiten* // *Jahrbuch der Deutschen Akademie für Sprache und Dichtung*. 2000.
- Koselleck R. *Vergangene Zukunft: Zur Semantik geschichtlicher Zeiten*. Frankfurt am Main, 1979.
- Kuus M. *Geopolitics Reframed: Security and Identity in Europe's Eastern Enlargement*. Basingstoke, 2006.
- Michnik A. Noi, traditori dell'Europa // *La Repubblica*. 2003. 8 April.
- Morin E. *Penser l'Europe*. Paris. 1990.
- Muller J-W. *Another Country. German Intellectuals, Unification and National Identity*. New Haven and London. 2000.
- Old Europe, New Europe, Core Europe. *Transatlantic Relations after the Iraq War*. Ed by Levy D., Pensky M., and Torrey J. London, 2005.
- Poole R. *Misremembering the Holocaust: Universal Symbol, Nationalist Icon or Moral Kitsch* // *Memory and the Futura: Transnational Politics, Ethics and Society*. Basingstoke and New York. 2010.
- Purchas S. *Hakluytus Posthumus or Purchas his Pilgrimes, contayning a History of the World in Sea Voyages and Lande Travells, by Englishmen and others (5 vols.)*. London. 1625. V. 1.
- Sala D. Political myth, mythology and the European Union // *Journal of Common Market Studies*. 2010. № 48.
- The Guardian*. July 19. 2002.
- The Meaning of Europe*. Ed by Mikael af Malmborg, Bo Strath. Berg Publishers., 2002.
- Valery P. *La crise de l'esprit* (1919) and *'Note, ou l'Européen'* (1924) // *Variété. Essais quasi politiques*. Paris, 1957.

REFERENCES

- Airiyan R.S. *Kongress SShA i anglo-amerikanskie «osoby» otnosheniya* // *Britanskie issledovaniya*. Rostov-na-Donu. 2014. Vyp. IV.
- Gegel'. *Lektsii po filosofii istorii*. SPb.: Nauka, 1993.
- Dogovor ob uchrezhdenii Evropeiskogo ob"edineniya uglya i stali. *Podpisan v Parizhe 18 aprelya 1951 g.* // <http://ppt.ru/newstext.phtml?id=2687525>
- Montes'ke Sh.L. *O dukhe zakonov*. M., 1999.
- Uznarodov I.M. *Pamyat' o «Kholodnoi voine» kak odin iz faktorov politiki Evropeiskogo soyuza v otnoshenii Rossii* // *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. 2015. № 1.
- Khal'bvaks M. *Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat'* // *Neprikosnovennyi zapal*. 2005. № 2-3.
- Bauman Z. *Europe, An Unfinished Adventure*. Cambridge. 2004.
- Bialasiewicz L. *Europe as/at the Border: Trieste and the Meaning of Europe* // *Social and Cultural Geography*. 2009. № 10.
- Bialasiewicz L., Elden S., and Pinter J. The Constitution of EU Territory // *Comparative European Politics*. 2005. № 3.
- Cacciari M. *Geofilosofia dell'Europa*. Milan, 1994.
- Cerutti F. A political identity of Europeans // *Thesis Eleven*. 2003. № 72.

- Eder K. Remembering National Memories Together // Collective memory and European identity. Ed. by K. Eder and W. Spohn. Hants, 2005.
- Hay D. Europe: The Emergence of an Idea. Edinb., 1968.
- Klein K.L. On the emergence of Memory in historical discourse // Representations. 2000. Vol. 60.
- Koselleck R. Gebrochene Erinnerungen? Deutsche und polnische Vergangenheiten // Jahrbuch der Deutschen Akademie für Sprache und Dichtung. 2000.
- Koselleck R. Vergangene Zukunft: Zur Semantik geschichtlicher Zeiten. Frankfurt am Main, 1979.
- Kuus M. Geopolitics Reframed: Security and Identity in Europe's Eastern Enlargement. Basingstoke, 2006.
- Michnik A. Noi, traditori dell'Europa // La Repubblica. 2003. 8 April.
- Morin E. Penser l'Europe. Paris. 1990.
- Muller J-W. Another Country. German Intellectuals, Unification and National Identity. New Haven and London. 2000.
- Old Europe, New Europe, Core Europe. Transatlantic Relations after the Iraq War. Ed by Levy D., Pensky M., and Torrey J. London, 2005.
- Poole R. Misremembering the Holocaust: Universal Symbol, Nationalist Icon or Moral Kitsch // Memory and the Futura: Transnational Politics, Ethics and Society. Basingstoke and New York. 2010.
- Purchas S. Hakluytus Posthumus or Purchas his Pilgrimes, contayning a History of the World in Sea Voyages and Lande Travells, by Englishmen and others (5 vols.). L., 1625. V. 1.
- Sala D. Political myth, mythology and the European Union // Journal of Common Market Studies. 2010. № 48.
- The Guardian. July 19. 2002.
- The Meaning of Europe. Ed by Mikael af Malmborg, Bo Strath. Published by Berg Publishers. 2002.
- Valery P. La crise de l'esprit' (1919) and 'Note, ou l'Européen' (1924) // Variété. Essais quasi politiques. Paris, 1957.

Апрыщенко Виктор Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, директор Института истории и международных отношений Южного федерального университета ФУ (Ростов-на-Дону); victorapr@sfedu.ru

The European time: spatio-temporal borders of contemporary Europe

Contemporary European identity is viewed in this article through an analysis of a wide range of spatio-temporal views. The author uses the theory of collective memory to explain changes of discursive borders in Europe at the time of integration and intellectual turns. The author concludes that spatio-temporal map of Europe is a result of the transformation of historical conscience, and the crisis of identity has come out of the overlapping historical narratives and 'symbolic deficit' of united European space. The crisis can be overcome by the creation of shared historical memory as a result of intellectual intervention and political acceptance.

Keywords: *historical / collective memory, identity, spatio-temporal borders, historical consciousness, Second World War, European integration, historical narrative*

Victor Apryshchenko, D.Sc., Professor, Director of the Institute of History & International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don); victorapr@sfedu.ru